

18+

Константин Шахматов

Последняя кукла Питера Страубе

Мрачная сказка на грани фантастики

Константин Шахматов
Последняя кукла Питера
Страубе. Мрачная сказка
на грани фантастики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66987476

ISBN 9785005584625

Аннотация

Действие рассказа «Последняя кукла Питера Страубе» разворачивается как бы в двух временных измерениях одновременно: прошлом и настоящем. Однако, и то и другое настолько сказочно и запутанно, что вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, где действуют реальные персонажи, а где вымышленные. Вдобавок все это тайно контролируется еще и третьей стороной, намерения которой остаются тайной до самой развязки. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПОСЛЕДНЯЯ КУКЛА ПИТЕРА СТРАУБЕ	5
Из донесения AOS V.D. Апрель 2001 года	6
Из донесения AOS V.D.	32
Несколько слов о фарфоре	40
Из донесения AOS V.D.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Последняя кукла
Питера Страубе
Мрачная сказка
на грани фантастики**

Константин Шахматов

© Константин Шахматов, 2022

ISBN 978-5-0055-8462-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОСЛЕДНЯЯ КУКЛА ПИТЕРА СТРАУБЕ

«...Куклы не носят масок, в отличие от людей, поэтому кажутся такими естественными... И, зачастую, их очень трудно разоблачить.»

Из донесения AOS V.D. Апрель 2001 года

Ругаясь на чем свет стоит, Данилов вылез из тачки и, обойдя ее в круг, пнул по изъеденному ржавчиной бамперу.
– Вот, сука!

Как чувствовал, что этот большущий кусок дерьма сдохнет на полдороги. Легче бросить ее здесь, и забыть. И не марать больше руки, пытаюсь реанимировать. Ведь сколько денег она из него высосала, сколько нервов испортила. Одно слово: сука!

Он стоял на грязной раскисшей обочине, и брызги от пролетающих мимо автомобилей оседали на его не глаженных брюках.

Первая неделя апреля выдалась для Данилова самой что ни на есть распоганейшей. Дрянной и полной отчаяния. Заработанные по легкому деньги, так же исчезли, как и пришли. Вместе с растаявшим снегом утекли сотней маленьких ручейков грандиозные планы по начинанию нового бизнеса. А еще Светлана, его благоверная, изводила постоянным нытьем по малейшему поводу. Видите ли, он мало уделяет ей свободного времени, пропадая черт знает где на черт знает какой работе. Даже вид грязной посуды в раковине вы-

водил прежде спокойного как удав Данилова из состояния равновесия. Но самое главное, к нему опять возвернулись комплексы по поводу личной несостоятельности. В переводе на русский язык сие означало, что у Данилова не стоял. И это в тридцать пять лет!

Впрочем, визг тормозов и веер чернильных брызг, заставили его встрепенуться. Он едва не выронил сигарету, когда прыгал спиной назад, выгибаясь как суслик.

– Сука!

Да, уж. Слова-паразиты прилипают намного страшнее, чем дорожная грязь. Только отряхнув брюки и разогнув спину, Данилов соизволил взглянуть на остановившийся у обочины Мерседес. Честно сказать, его абсолютно не волновало, кто сидел за рулем этой новехонькой и навороченной тачки. Да хоть сам господь бог!

Дверца открылась, и из машины показалась ухоженная блондинка, преимущественно своей верхней частью. Ее хрупкие плечики укрывала песцовая шубка.

– У вас машина не заводится? – поинтересовалась она, – Вам нужна помощь?

Данилов недоверчиво покрутил головой. Вроде, к нему обращаются.

– Нет, – пробурчал он, затягиваясь, – все в порядке.

Видал он таких дамочек. Очень много видал. Наверняка, живет за счет богатого «папочки»; на люксовый Мерс насо-

сала...

Дверца резко захлопнулась, и иномарка сдала чуть назад.
– Извините, я не расслышала!

Девушка приподняла дымчатые очки и вопросительно посмотрела на шутившего от солнца Данилова.

– Мне на работу, – выдохнул он, бросая окуроч.
– Садитесь.

Закрыв «шестерку» на ключ, Данилов плюхнулся на сидение рядом с роскошной телочкой. Плюхнулся не аккуратно, со всего маху, и буквально уткнулся взглядом в ее сногшибательные колени. Девушка улыбнулась, и протянула Данилову руку:

– Давайте знакомиться. Меня зовут Аня... Анна Андреевна.

Очень приятно! – чуть не закричал он, пожимая прохладную руку.

– Данилов, – сказал он в ответ, – Владимир Александрович.

– Я вас обрызгала? Еще раз простите, я недавно вожу машину...

Данилов надул щеки, не зная, что и ответить.

– Так куда же мне ехать? До пятницы я совершенно свободна!

Веселый смех девушки заставил Данилова выдохнуть, и указать направление.

*

До сего дня Данилов сам не однократно оказывался в роли доброго провожатого. И этот фокус с легким обрызгиванием и предложением подвезти, дабы загладить вину, он не раз проделывал сам. И трюк срабатывал. Наверняка, эта самая Аня сделала так же. Но что ей понадобилось от такого неудачника, как Данилов? Знакомое чувство надвигающихся приключений овладело им. Внизу живота неприятнейшим образом засвербило. Данилов украдкой взглянул на себя в зеркало, и остался доволен. Какого черта! – подумал он, – один раз живем!

Всю дорогу Анна Андреевна оживленно болтала. В основном о себе. Из своего опыта Данилов прекрасно знал, что женщины очень любят, когда их слушают и не перебивают. Нужно только поддакивать с умным видом, и не задавать глупых вопросов. И если все пройдет гладко, она обязательно испытает над мужчиной свои неотразимые чары. Женщины любят ощущать себя хищницами. А если дать ей понять, что готов на все, ради ее расположения, она захочет получить от тебя большее.

По словам новой знакомой, она была директором преуспевающей фирмы. Так же у нее имелся маленький сын и любимый мужчина, и до недавнего времени семейная

жизнь протекала счастливо, и довольно размеренно. В какой-то момент благополучие рухнуло, и теперь Аня в обиде на всех мужиков, особенно олигархов, каким и был ее теперь уже бывший. Конечно, после развода она получила все, что хотела, но кроме Ванечки. И только сие обстоятельство ее угнетает. И очень сильно. Так сильно, что она готова на все, дабы вернуть себе маленькое сокровище.

Данилов молча слушал, и тактично поддакивал. Анне, судя по всему, требовалось кому-нибудь выговориться. Вскоре они уже перешли на «ты», и Данилову показалось, что их знакомство длится целую вечность.

– Вот, сюда! – Данилов показал поворот, и они въехали на территорию, обнесенную железной решеткой с воротами.

По середине – двухэтажное здание, сдаваемое под различные офисы.

– Я здесь никогда не бывала, – сказала Аня, – Что у тебя тут?

Данилов с неохотой ответил:

– Контора рога и копыта.

– Что, прости? – не поняла девушка.

– Я частный сыщик. Мы с партнером пару лет назад открыли свое агентство. Поначалу нормально было, теперь вот проблемы.

– Клиентов мало?

– Можно и так сказать, – уклонился Данилов.

Все-таки, девушка ему малознакомая. И кто знает, что у нее на уме.

– Тебя подождать? – спросила она.

– М-м-м. Если не трудно, то пару минут.

Он словно предчувствовал, что наведываться сегодня в офис – пустое занятие. В двери, запертой на наружный замок, нашел вложенную записку. Развернул ее, и прочел:

«Скотина, где тебя носит! Клиент не дождался, уехал злой. Я тоже. Нет никакого желания работать. С наилучшими пожеланиями Стас.»

Данилов скомкал записку, и бросил в угол.

– Ну и хер на тебя, не дождался! Сам ты скотина!

Он посмотрел на парковку. Там все еще стоял черный Мерин.

– Ну, что? – спросила Анна Андреевна, когда он вернулся.

– Нет никого!

Аня посмотрела на него снизу-вверх. Потом о чем-то задумалась. У Данилова екнуло сердце.

– Хочешь за руль?

*

Володя быстро приноровился к характеру иномарки. Ав-

томобиль шел легко, подчиняясь малейшему повелению водителя. Просто летел. На проспекте он разогнался до ста сорока, но на большее не осмелился. Для первого раза и этого оказалось достаточно. Сам Данилов выжимал из своей «шохи» не более сотки.

– Как тебе тачка? – глаза Ани блестели.

– Улет! – Данилов был на седьмом небе ото счастья.

– Заедем кое-куда? – спросила она, положив свою руку ему на колено.

– Как скажешь, – Данилов прекрасно понял намек.

– Выезжай за черту города, и сразу налево, – сказала она, на отнимая руки.

А он-то грешным делом подумал об удобной постели и простынях! На пустынной стоянке, где они оказались совершенно одни, бестия набросилась на него, и размотала в два счета. Он опомниться не успел, как одержимая своими желаниями вскарабкалась на него, и больно сжала ногами. Все происходило в бешеном ритме, без лишних слов и прелюдий. Он крепко держал ее за тонкую талию, подкидывал вверх, и с силой опускал вниз. Через минуту закрытые окна авто покрылись испариной. Через пять минут все было кончено. Они уже сидели каждый в своем кресле, и одевались.

Данилов тяжело и часто дышал, пытаясь задержать непопуганную молнию; Аня, со спутанными волосами, деловито

застегивала пуговички на блузке.

– Ты не откажешь мне в одной маленькой просьбе? – спросила она.

– Говори, – ответил Данилов, закончив с ширинкой.

Аня отвела рукой волосы, и взглянула на Данилова чуть склонив голову. Взглянула очень внимательно, даже серьезно.

– Ты частный сыщик, правильно?

Ах, вот в чем дело! – подумал Данилов, но вслух произнес:

– Да, я тебя слушаю.

– Мне нужно, чтобы ты сделал для меня небольшую работу.

– Все, что хочешь, – с задержкою произнес Данилов, – Что-то смертельно опасное?

Последнюю фразу он постарался произнести в шутливом тоне, дабы не выглядеть идиотом.

– Нужно найти человека. Это не трудно. Я знаю где он находится, и дам тебе соответствующие координаты. Я могла бы обратиться в структуры, но опасаясь. Я долго искала, и только сейчас нашла подходящего исполнителя. Именно, вот сейчас.

– И почему я? – осторожно спросил Данилов, пытаясь не испортить момент.

– Просто все, кого я до сих пор знала, не заслуживают доверия. Наверное, потому не заслуживают, что я слишком хорошо с ними знакома.

– И кто они?

– Долбоёбы! – горько усмехнулась Аня, – Я все расскажу, но чуточку позже. Теперь поедем обратно?

Данилов кивнул.

– Ну, поехали.

Аня приблизила к Данилову свое красивое, с изысканным макияжем лицо и, в качестве благодарности, поцеловала в пересохшие губы.

*

На трассе их уже ждали. Еще два Мерседеса. Такие же черные, с затемненными стеклами.

– Это мои, – сказала Аня Андреевна, – Они всегда должны меня охранять.

– Они за нами следили?

– Не волнуйся. Только из далека.

При этих словах, из первого Мерса вышел здоровенный бугай, а еще один появился из следующего.

– Ну, мне пора, – Аня взяла Данилова за руку.

Данилов заискивающе улыбнулся.

– Может, до дому подкинешь?

– Сам доедешь, – Аня кивнула на толстый кожаный руль, – Пользуйся. Можешь считать это авансом.

– Но-о-о, – Данилов не нашел что ответить.

– Завтра увидимся.

Аня достала из сумочки свой мобильный, и переложила в бардачок Мерина.

– Я тебе позвоню, скажу адрес.

Девушка выпорхнула из машины, и поспешила к поджидавшей ее охране. Первый бугай услужливо распахнул перед ней дверцу, второй же, все это время, пристально разглядывал оторопевшего Данилова, словно фотографируя. Девушка махнула из-за спины охранника ручкой, и скрылась в темном чреве роскошного автомобиля. Аккуратно захлопнув дверь, верзила пошел на место водителя, демонстративно придерживая кобуру пистолета под пиджаком.

Две черных блестящих на апрельском солнце авто, с пробуксовкой и визгом рванули «с места в карьер». Данилов долго смотрел им вслед, пока те совсем не исчезли.

О старом мастере, жителях Рюгге, и отблесках революции

В каморке мастера Страубе было тепло и уютно. Потрескивал сухими дровами старинный камин, такой же старый и почерневший, как сам Питер; клубился на огне закипающий чайник. Пахло казеиновым клеем, сосновой стружкой, и еще бог знает чем. Впрочем, пахло до того хорошо и приятно, что всякий, кто бы не зашел в сию ненастную пору, а октябрь в этом году выдался на редкость холодным и омер-

зительным, наверняка засиделся бы там, и очень надолго.

Да, Питер Страубе слыл воистину гостеприимным хозяином. Все посетители его мастерской, в купе с небольшим магазинчиком, решительно таяли от его приятного обхождения. И если ничего не покупали у мастера, то не уходили от старого Питера без подарка. Пусть маленького, но до того, опять же, приятного и запоминающегося, что у всякого обделенного золотым талером обывателя, возникало желание прийти к нему снова. Ведь не все же его чудеса стоили баснословных денег. Бывали дни, особенно перед длинными праздниками, когда мастер отдавал их, практически, за бесплатно.

И чем же занимался добрейший мастер Питер Е. Страубе, – как значилось на висящей над входом в каморку латунной табличке? Он дарил людям радость. И эта радость была особого рода: от сущих безделиц, до больших, в рост человеческий, кукол.

В те времена в землях Остландии и славного города Рюгге существовала странная мода, – в часы досуга предаваться необъяснимым с физиологической точки зрения, развлечением. Люди садились, и играли в куклы! У детей были свои игрушки, у взрослых – свои. Причем, такие замечательные, что с ними можно было не только премило беседовать или пить воображаемый чай, но кое-что и еще. И мода сия объяс-

нялась наличием у жителей города большого количества свободного времени. И хотя появилось оно неожиданно, можно сказать, как ноябрьский снег на голову, но продолжалось уже довольно долгое время. Лет десять, а то и двенадцать, не менее.

А чем обусловлено появление такового, так это произошедшей ни с того ни с сего революции. Правящая верхушка, во главе с наместником герцогом, была смещена кучкой дерзких бунтовщиков, чтобы на его место установить выборные советы. Так как построить новое, самостоятельное от короля государство в отдельно взятом герцогстве, практически невозможно, а если и возможно, то черт его знает как, то мероприятия по выборам в новый муниципалитет растянулись на добрых полгода. Нельзя сказать, что среди жителей города Рюгге не нашлось хотя бы десятка порядочных во всех отношениях граждан, но сколотить из них комитет управления оказалось не такой уж простой задачей. Старые чиновники, из поколения в поколения передающие по наследству свои посты, а также знания, привилегии, и определенные навыки, были целенаправленно ликвидированы. Ремесленники и торговцы, составлявшие большую часть населения, мало подходили для этого, потому как всю свою нелегкую трудовую жизнь привыкли мыслить другими, в отличие от чиновников, категориями.

Между тем, за прошедшие годы с того памятного события, когда отставной майор королевской гвардии Людвиг

Шмаус, храбрец и красавец мужчина, водрузил над Шлезвигским замком флаг революции, новая власть успела наголову разбить экспедицию короля по принуждению к миру, а также с успехом противостояла ежегодным нападкам соседей, подстрекаемых все тем же отвергнутым сюзереном. И хотя в секретных переговорах майор предлагал графствам объединиться, но вступать в союз с Остландской республикой на неравноправной основе им совсем не хотелось. Так продолжалась эта затянувшаяся не пойми чего, но вернемся к гражданам Рюгге.

Как уже говорилось, у них появилось много свободного времени. Им не нужно было работать, – гер Шмаус обеспечил их всем жизненно необходимым; получать знания стало проблематично, – местные школы, и даже университет, были закрыты под предлогом разработки новой учебной программы, более соответствующей веяниям времени; вступать в брак и рожать детей, – отпало всякое желание и необходимость. Прежние законы, при которых у жителей Рюгге существовала потребность бороться за лучшую долю, а иногда, что называется и «за место под солнцем», были упразднены «за ненадобностью» решением муниципалитета, который со скрипом, но заработал. Новые законы принимать не спешили, потому, что как выяснилось, люди и без них знали, что хорошо, а что плохо, и без крайней необходимости преступлений не совершали. Благо, всего хватало: и еды, и одежды, и развлечений. Тот же гер Шмаус, занявший пост

Главного комиссара республики, а заодно бургомистра, открыл особым декретом множество заведений, где каждый житель города и гражданин мог получить дополнительную порцию развлечений. Причем, за весьма скромную плату, – один пфенниг. Причем, этот же самый пфенниг выдавался посетителю прямо на входе, словно билетик. Деньги, как таковые, не имели большого хождения в пределах республики. Еще в самом начале правления Комиссар реквизирует у жителей города все денежные накопления; в деревнях ввел продуктовый налог; ремесленников обязал к поставкам целого списка продукции. Все они обменивались друг с другом, причем так удачно и выгодно, что через несколько лет сами забыли про деньги, и твердо уверовали в гениальную прозорливость любимого Комиссара.

Таинственный гость, и что он хотел от Питера Страубе

Питер только вернулся из оранжереи, где ухаживал за растениями, и успел заварить себе кружку душистого глэга, добавив в него изрядную порцию апельсиновых корок, как в дверь постучали. На пороге каморки появился округлого вида господин, в черном салопе с короткими рукавами и песцовым воротником; на ногах – высокие кожаные ботфорты; на голове – побитый на вату цилиндр, натянутый по самые уши.

– Честь имею, гер Страубе, – поздоровался он тихим голосом.

Старик обернулся, подслеповато щурясь, и тут же стал искать у себя на макушке очки, дабы разглядеть посетителя. Станный гость снял цилиндр, и приветливо улыбнулся.

– Не узнаете?

Человек с ловкостью циркача перемахнул каменную ступеньку, и в пару шагов оказался подле старого мастера.

– Людвиг, мой друг! – спохватился старик, разглядев округлого человека.

Оба по-дружески рассмеялись, и обнялись, будто долго не виделись.

– Сколько лет-то прошло!

– Пожалуй, все десять, а то и двенадцать, не менее! Аккурат с той поры, когда я купил у тебя премиленькую юнг фрау!

Седовласый Питер затряс длинными волосами:

– Помню-помню. Я назвал ее Гердой. Хороша была кукла.

– Не то слово! Теперь она служит моему верному камердинеру! Представляешь, все пружинки и шестеренки исправно работают! Знай только – смазывай.

Господа понимающе рассмеялись, после чего Питер потянул Людвига за руку, и усадил на один из двух стульев.

– Угощайся, друг мой. Я только что заварил порцию прекрасного глëга, словно предчувствовал.

– Не откажусь, не откажусь, – замурлыкал гость, – Так, знаешь ли продрог, пока до тебя добирался.

– Неужели пешком шел? – удивился старик, – Через весь город?

– Увы, – Людвиг придвинул к себе горячую кружку, и обхватил её левой рукою, так как правую держал под столом, – Когда необходимо соблюсти тайну государственной важности, приходится отказаться не только от кареты, но и от лошади. Да и от охраны, само собой. Дело серьезное, и не хотелось, чтобы враги узнали...

Посетитель запнулся, а старик согласно закивал головой.

– Что ж, я тебя понимаю... И внимательно слушаю. Хотя, чем я могу помочь тебе, милый Людвиг? Моих старческих сил теперь едва хватает на то, чтобы заварить себе чашечку доброго глёга.

– Что ты! Что ты! – воскликнул гость, вдыхая пряные ароматы, – Ты еще полон сил и энергии. Я твердо уверен в этом. И точно так же я знаю, что их достаточно, чтобы смастерить для меня самую лучшую из всех твоих механических кукол!

– Луч-шу-ю! – произнес по слогам Людвиг, – И самую, что ни на есть волшебную.

Старый мастер устало вздохнул.

– Ну, да, только волшебство и поможет.

Теперь вздохнул посетитель.

– Я знаю твое умение, Питер. И хорошо помню, что когда заказывал для заведений досуга два десятка сих прелестных штуквин, ты пел мне точно такие же песенки о старческой немощи и болячках. Вспомни, я заказал тебе еще де-

сять, и ты вовремя справился с таким серьезным заказом. Подозреваю, что все зависит от предложенной суммы.

– Ах, что ты! – воскликнул старик, – Деньги не имеют значения. Да в нашей свободной республике их и потратить-то не где!

– Тогда, что?

– Душевные силы, мой друг. Их так мало осталось, что я вполне обосновано опасаясь...

Старик, не договорив, отвернулся, дабы подбросить в топку полено. Добавив дров, повернулся обратно, и уставился подслеповатыми глазками на округлого господина. В линзах его очков играли отблески пламени.

– Чего? Объясни.

Гость спокойно отпил теплого глёга, и облизал сладкие губы.

– Как думаешь, – спросил Питер, – чем настоящий мастер отличается от рядового ремесленника? Исключительно тем, что его изделия получаются лучше? Нет, он ежедневно и по чуть-чуть вкладывает в каждое свое произведение душу. Это как сделка с нечистым, а посему – своего рода проклятье. С каждым разом тебя становится все меньше и меньше. Боюсь, как бы совсем не осталось. Да-да! Чтобы добиться признания, приходится чего-то лишиться. Лично я, за право заниматься любимым делом, расплатился семейным благополучием, а после – здоровьем... И вот еще что я скажу: признайся, ты и сам платишь. Тебе не страшно?

Людвиг заерзал на стуле. То ли ему стало жарко от выпитого вина, то ли он слишком близко сидел к растопленному очагу... Он провел ладонью по лысому черепу, стирая капельки пота; задержался пухлыми пальцами на подбородке, тщательно выбритому; потом ответил, тихо и вкрадчиво.

– Понимаешь, старик, ты по-своему прав. И прав так же в том, что за каждую победу я исправно плачу. Например, в тот год, когда я водрузил над Шлезвигским замком знамя победы, я потерял любимую Грету. Она умерла, едва подарив мне наследника. Еще через год, когда мы бились с армией короля Фердинанда, я потерял правую руку, – Людвиг грохнул поверх стола обтянутый воловьей кожей протез, – Ее отрубил вместе с саблей, во время решающего сражения, грязный королевский наемник. Помнишь такое?

Людвиг поднял лапу, и помахал ею перед носом старого Питера. – Ты сам делал мне этот протез. Он до сих пор действует.

Гость обхватил механическими пальцами кружку с остывающим глёгом, и раздавил ее как скорлупу земляного ореха.

– Ну а теперь, – продолжил Людвиг, смахнув с лица красную капельку, – когда все, кажется, хорошо, а наша республика не испытывает каких-то особенных затруднений, мой сын Клаус страдает от чудовищной невротической человекобоязни.

Мастер Страубе выпрямился, и седые брови на морщини-

стом лбу заняли самое верхнее положение. Прожив три четверти века, он впервые услышал такое странное слово: «невро-ти-чес-кой».

– Да-да, – подтвердил Людвиг, – и мне стоит огромных усилий, чтобы домашние учителя или доктор, пользующий его, качественно выполняли работу. А мне нужен здоровый приемник, понимаешь, старик? Без всяких заскоков и странностей. Иначе, для чего я все это построил?!

Людвиг взмахнул руками, пытаясь объять необъятное, и края салопы отчаянно колыхнулись, делая его похожим на толстого черного ворона.

Господа замолчали на пару минут, после чего странный гость резюмировал.

– В общем так. Я думаю, ты меня понял. Моему сыну срочно нужна девочка-кукла. Подросток, лет тринадцати или четырнадцати. Для начала, для дружеского общения. Делай что хочешь, но через месяц она должна быть.

– Какие-то особые пожелания?

Старый мастер изменился в лице. Выражение удивления и сострадания уступило место печали и обреченности.

– В меру умна, естественно симпатична, – гость поднял палец вверх, – и как можно ближе к человеческому оригиналу.

Округлый приблизился к старику, и резко понизил голос.

– Да-да. Прогресс не стоит на месте, и надо следовать по-

следним веяниям моды. А вдруг, она не понравится мальчику, что мне с ней делать?

Старик неодобрительно покачал головой.

– И самое главное, – твердо сказал Людвиг, – Ближе к апрелю она должна по-настоящему подружиться с моим ненаглядным сынишкой.

– А что будет в апреле? – осмелился уточнить мастер.

– Что-то невероятное!

Скрипнув стулом, Людвиг встал, и направился к выходу. На столе, рядом с осколками кружки, он оставил мешочек золотых талеров.

– До встречи, старик! Жду тебя к Рождественским праздникам!

Мастер фыркнул, когда за гостем захлопнулась дверь. Бросив монеты в сундук, он стер со стола, а потом призадумался.

*

Не стоит, наверное, пояснять, кем оказался загадочный посетитель. Людвиг Шмаус, за последние годы и потолстел, и потерял пышные волосы. Вместе с внешностью изменился его характер. Он стал мнительным, скрытным, раздражался по пустякам. А еще очень мстительным. Немудрено, держа на плечах большой груз ответственности, ежеминутно не по-

мышлять от делах особо важных и государственных. Когда со всех сторон разного рода завистники или вредители так и норовят отнять у тебя власть или плоды революции.

И чтоб удержать эту власть, Людвиг Амадей Шмаус не чурался любых, и самых экстравагантных способов. После закрытия школ и университета, он перво-наперво наводнил город и даже окрестности своими собственными шпионами. Они докладывали ему обо всем, что происходило в республике: и плохом, и хорошем. Дабы оградить свой народ от вражеской пропаганды, запретил все газеты, за исключением одной, статьи в которую редактировал или тщательно просматривал сам. По такому же принципу был сохранен только один городской театр, репертуар которого утверждался им лично. Так же, против влияния на приграничные земли со стороны соседей, завистливых и жадных, как он всегда утверждал в своих выступлениях на публике, гер Шмаус выстроил по периметру высокую железную стену, обнеся ее двойным кольцом электрической проволоки. Для пущей надежности, две сотни гвардейцев с собаками патрулировали ее и днем и ночью, сменяя друг друга.

Да, главный комиссар и бургомистр города Рюгге охотно привлекал к делу защиты общественных интересов самые последние изобретения техники. То же самое электричество, например, по приобретенному им патенту, отбиралось из атмосферы целой сетью сложной конструкции башен, установленных приезжими инженерами за баснословные деньги.

Кстати, на этот проект оказалась потрачена половина репрезентированных ранее средств граждан Остландии. И если разговор зашел о денежных тратах, то на стену ушла ровно четверть, и еще четверть на организацию общественного досуга. Но траты, как говорится, оправдывали себя. Жители Рюге получили, кроме прочего, освещение улиц и центральный водопровод, параллельно с канализацией. Но все эти «блага» могли исчезнуть в мгновение ока, если бы остались без главного покровителя и вдохновителя – Людвига Шмауса.

Боясь покушений, а король Фердинанд был готов на любые, самые подлейшие подлости, гер Шмаус заточился в Шлезвигском замке, и обезопасил себя личной охраной. Такой же не веселой во всех отношениях участи он подверг своего сына. Ведь как не надежна была защита, но за все время правления Главного комиссара, на его жизнь было устроено шесть покушений! В среднем по одному за два года.

Первое он помнил отлично. Произошло оно в поле, когда Людвиг стоял палаточным лагерем перед королевскими карательными войсками. Ночью, командующий подслал к нему диверсантов. Профессиональные убийцы сумели пробраться к Людвигу Амадею в палатку. Произошла короткая, но кровопролитная схватка, в ходе которой отставной майор лишился правой руки, а нападавшие были убиты. Подоспевшие на подмогу товарищи лишь созерцали холодные трупы.

Увы, в то далекое время, гер Шмаус был еще молод и по-

лон жизненных сил. Теперь же, – другое дело.

А дело в том, что правда, – это самая страшная вещь, какая существует на свете. Она старит человека, и даже может сломать. Против нее ни войны, ни эпидемии, ни революции в отдельно взятой стране, не стоят, практически, ничего. И что интересно, ее боятся как проигравшие, так и победители. Проигравшие ищут себе оправданий; победившие пытаются скрыть на какие жертвы пошли ради победы. В итоге мы имеем две, а может и более псевдоисторических «правд», плохо укладываемых в общечеловеческую историю.

А Шлезвигский замок был нашпигован скелетами. В каждой стене; в каждом эркере; в каждом шкафу, хранилась какая-нибудь зловещая тайна. В этой нише, к примеру, была замурована бедная горничная, понесшая от герцога Бранденбургского; из этого эркера шагнул на булыжную мостовую один из отвергнутых почитателей эрцгерцогини Гольфштанской; в этом шкафу для носильных вещей, был символично задушен собственным шарфиком кронпринц Хокенбрюкен, гостивший в замке по приглашению герцога Шлезвига. И это вполне естественно, что очередной житель старинного замка, а их как видим, было немало, постарался внести свой мощный вклад в увеличение их дьявольской численности.

В глухом подвале северной башни была устроена настоящая пыточная. О существовании оной, после ликвидации прежних хозяев, знали лишь два человека во всей республи-

ке. Сам гер Шмаус, и его верный палач Франц гер Поппен. Палач, кстати, был единственным государственным служащим. Все высокие должности, такие как советники или министры, Главный комиссар успешно совмещал в единственном лице, – своем собственном. И в этом была определенная логика. Нет министров, – нет казнокрадства и взяточничества. Государство, – это я, любил говаривать Людвиг. И с этим тезисом многие соглашались. А если не соглашались, то в двадцать четыре часа выдворялись за пределы республики.

Но вернемся к нашей «зловещей» и «пытошной». В свое время, её особым секретом стали трое безответственных горожан: трубочист Томас Крюгер, кузнец Питер Фальк, и артист бродячего цирка, ликвидированного известным декретом Главного комиссара, фамилии которого так никто не узнал. Трубочист, сидя в одной из труб замка, стал свидетелем секретного разговора, касаемого самой строгой государственной тайны. Вряд ли это произошло случайно, ибо такие совпадения, при наличии в Шлезвиге трех десятков не чищенных дымоходов, в принципе не возможны. Кузнец, как позже выяснилось, на основании полученных сведений организовал секретный кружок, с целью произвести в самом ближайшем будущем государственный переворот. Циркач же был обвинен в том, что агитировал ни в чем не повинное население примкнуть к обозначенному кружку и,

в перспективе, восстать против самоназначенного автократа. Конечно, удачно разоблаченные бунтовщики не были единственными пациентами инквизиторской комнаты. Через нее, как вы понимаете, прошли многие уважаемые здесь люди... Заключенным давали лишь воду, и три корочки хлеба, что не позволяло им умереть окончательно. Но не многие выжили.

Этих троих держали по одиночке в каждой из башен, каковых насчитывалось четыре. Северная, как упоминалось выше, была занята комнатой для допросов. Но подвалы западной, южной, и восточной, были совершенно свободны! Если бы кому вздумалось освободить изможденных мятежников, то пришлось бы изрядно побегать. Протяженность крепостных стен, соединяющих башни, со всеми ее заворотами и переходами, равнялась не многим менее тысячи футов, что в самом приблизительном пересчете составляло почти половину римской мили. А если учесть протяженность всех подъемных мостов внутри замка и винтовых лестниц, то можно уложиться и целую. К тому же, не имея подробного плана, в сих нескончаемых лабиринтах немудрено заблудиться. Сам гер Шмаус плутал в них первое время, пока не освоился.

Таким образом, бремя забот и нескончаемых страхов изменило этого человека до неузнаваемости, что среди прочих «скелетов» составляло самую главную тайну. Государствен-

ной важности, разумеется.

Из донесения AOS V.D.

Надо бы заскочить домой. Похвастаться перед супругой своим новым приобретением. Но каким образом авто достался ему он, конечно же, не расскажет. И это не будет враньем. Он просто не скажет всей правды. И жена поверит, куда ж она денется.

Дорога заняла не более десяти минут, ибо попутные автомобили предпочли не соревноваться с ним в скорости. Лихо притормозив у подъезда, Володя птицей влетел на второй этаж родимой хрущёвки. Ключ без помех вошел в замочную скважину. Данилов тот час очутился в узеньком коридоре квартиры.

Первое, что он увидел, это черные лакированные ботинки, аккуратно стоявшие на обувной полочке.

– У нас гости? – выкрикнул он, сбрасывая промокшие кроссы в угол.

Он хотел было заскочить в туалет, но в дверном проеме, ведущем из коридора в гостиную показалась голова жены. Ее лицо выражало упрек. Данилов почуял неладное. Вытянув шею, он пытался заглянуть в комнату, но супруга преградила ему дорогу. Все, что он увидел, это край расправленного дивана, с накинутым на него одеялом. Поверх одеяла лежала нога. Голая, сука!

– Ты? – прошептал одними губами Данилов.

Света сделала шаг навстречу, скрестив на груди руки. На ней не было ничего! Данилова бросило в жар. Чувство несправедливой обиды обожгло его сверху до низу. А еще, он почувствовал себя персонажем скверно написанной пьесы, в которой главный герой возвернулся не вовремя.

Жена все так же стояла перед ним, не давая пройти в комнату. Он хотел ее отодвинуть, но вдруг отчаянно расхотел прикасаться, словно испугался испачкаться. Комок подступил к горлу.

– Я в туалет зайду, – тихо сказал Данилов.

– Пожалуйста, – брезгливо сказала она.

Расстегнув брюки, он долго стоял над унитазом, тупо уставившись в его белое чрево. Не спрашивая разрешения, крупные слезы, одна за другой, беззвучно катились из его глаз. Он поднял голову к потолку, и те полились по щекам. В зеркале он случайно увидел свое отражение. Жалкое зрелище. Данилов чуть не завыл, но опомнился. Надо взять себя в руки. Открыв воду, подставил лицо под прохладную освежающую струю. Как бы там ни было, нельзя, чтобы предательница видела его слез.

Выйдя из ванной, он кое как обулся в сырые кроссовки. Тут же почувствовал на себе взгляд жены, и поднял голову. Та успела облачиться в легкий халат и, стоя у входной двери, смотрела на него молча, но с вызовом. И что ты будешь сейчас делать? – словно спрашивала она.

Данилов не знал, что сказать и что сделать. Ему вновь стало так жалко себя, что глаза повторно наполнились влагой.

– Пусти, – сказал он.

Жена, нехотя, отступила.

Данилов пулей вылетел из подъезда.

Закрывая лицо как последний ворюга, прыгнул в машину. Долго сидел, повернув ключ. Бабки, сидевшие на скамейке, с пристрастием разглядывали его сквозь стекло, и подозрительно перешептывались.

Кое-как вырулив со двора, он проехал сто метров, и встал на обочине. Уткнувшись в кожаный руль, тихо завыл, пуская слюну на помятые брюки. Ну, почему? и За что? – два вопроса крутились в его голове, не находя выхода.

Так он просидел, пока совсем не стемнело.

*

Когда они делали это впервые, Володи хватило на пару движений, а Светлана больно ударилась головой о книжную полку, висевшую у него над кроватью. Она ушла в ванную комнату, где тихонечко плакала. Забравшись вместе с ней в ванну, и открыв кран, Данилов заботливо вытирал ее маленькие слезинки, и смотрел, как в сливное отверстие утекали вместе с водой красные капли. И в тот момент у него странно щемило сердце. То ли от ложного ощущения вины,

то ли от осознания необходимости сделать маленькую, но такую необходимую подлость. Глупец! В свои двадцать с хвостиком лет он считал предательство самым тяжким грехом, и не мог переступить через принципы. Да, он был честным в большей степени, чем наивным. Именно был. Через две недели он сделал ей предложение, и Светлана ожидаемо согласилась. Наверняка любила его.

И до сей поры Данилов глупо считал, что они оба счастливы.

Володя очнулся, почувствовав холод и резкую боль. Что же мне делать? – подумал он, – Домой нельзя; к родителям – тоже; остается другая женщина. К счастью у него, как и у всех, была еще и любовница.

Повернув ключ, он дал по газам, не позволив мотору прогреться.

*

Он познакомился с Верой, когда в очередной раз поругался со Светой, и колесил по ночному городу в поисках приключений. Сблизившись самым простым и естественным способом, тут же в машине, молодые люди пришли к общему знаменателю, что у них много общего. Она понравилась ему за свои здравые рассуждения о смысле жизни и стремлении к счастью. Да и сам он, к тому времени, уже не останавли-

вался ни перед какими условностями в достижении оного: врал, предавал, выкручивался.

Да, со временем взгляды человека меняются. Отвратительное становится вполне терпимым; глупое – не лишенным оригинальности; наглость сродни второму приданому. И Володя не был тому исключением. После многих безуспешных попыток оседлать Эверест, он удачно переболел юношеским максимализмом.

А что же Вера? Дождавшись развода от мужа, ушла от него, и воспитывала ребенка одна, снимая крохотную комнатку рядом с Заводом металлоконструкций. Ушла, устав от бесконечных измен и часто возникающего безденежья. Данилов время от времени наезжал к разведенке, заваливая продуктами или малюсенькими подарками. Вера встречала его как желанного гостя. По крайней мере ему так казалось.

А чуть позже, когда Сонечка – ее дочка, видела десятые сны, они с Верой занимались любовью. Хорошо, как по нотам. Не торопясь, наслаждаясь процессом. Лишь тонкая занавеска между кухней и комнатой, а также металлическая кровать со скрипучей панцирной сеткой, оказались безоговорочными помощниками их обоюдного и окончательного грехопадения.

Это всего лишь интрижка на стороне, – думал Данилов тогда, – очередной роман, хотя и очень красивый. А Вера? Вера – всего лишь любовница.

О, как ему нравились ее длинные волосы; тонкие музыкальные пальцы; изящные икры. Еще он очень любил разглядывать Веру со стороны, когда она этого не замечала. Он снимал ее своеобразным рапидом, чтобы откладывать в памяти. Взмах руки, поворот головы, и так далее. Сзади особенно хороша была попка. Особенно, когда он прижимался к ней обнаженной, благоухающей. А еще она красиво стонала. Не в пример его Свете, которая все делала в гробовой темноте и молчании.

*

Увидев Данилова в таком состоянии, мать-одиночка без лишних вопросов уложила его в постель, и напоила горячим чаем с малиной. Потом дала валерьянки. Данилов расслабился, и его боль притупилась. Всю ночь он пролежал под одеялом не шелохнувшись, а Вера согревала его своими объятиями.

В пять утра он поднялся, и молча сидел на маленькой кухне, отгороженный занавеской. Чуть позже встала и Вера. По ее виду можно было сказать, что она так же плохо спала. Выпив чаю и, поцеловав Данилова в щеку, она ушла на работу, не забыв проверить дочурку.

Еще через час проснулась девчушка и, увидев Данилова, широко заулыбалась знакомому дяде.

– Привет, заяц, – ответил негромко Володя, прогнав с лица маску великой печали и безысходности, – Как дела?

Ребенок принялся с азартом рассказывать ему о своих куклах, школьных занятиях, и так далее.

– Подожди-подожди, тараторка! – усмехнулся Данилов, – Твоя мама просила напоить тебя чаем. Это во-первых. А во-вторых, проверить уроки. Так что, давай, слезь с постели.

– Хорошо! – кивнула Сонечка, отбрасывая одеяло.

Они сидели за маленьким столиком, накрытом цветастой клеенкой, и пили заварочный чай. Глядя на девочку, он совсем не слушал, что она говорит, погружившись в свои скорбные мысли.

Как странно, – раздумывал он, – Со Светой они прожили чуть меньше десяти лет, но так и не завели собственного ребенка. Она очень хотела, но Данилов всячески избегал этой темы. Думал, что рано. Хотел пожить в свое удовольствие; встать на ноги; заработать побольше денег. Потом стал загуливать на сторону. И сам не понял, как это произошло, потому случилось сие очень быстро и неожиданно. Потом как прорвало, и понеслось... Данилову приходилось врать благоверной почти каждый день. Так можно ли считать это отправной точкой, после которой нетяжелая жизнь Данилова обросла большими проблемами и покатила в обратную сторону?

Но не один же он такой злодей и обманщик. Супруга,

к примеру, ни разу не обманывала его? Обманывала! Хотя бы тот случай с анализами эякулята...

Данилов проверил у ребенка уроки, и проводил девочку в школу, предварительно заплетя ей косичку. Заплел не слишком умело, как мог, но это заставило его почувствовать себя Робин Гудом, и даже героем. В глазах маленькой девочки, разумеется.

Интересно, чего я боялся, когда не хотел начинать ребенка? – бурчал про себя Данилов, – обузы? ответственности?

Он тут же вспомнил, как в последнее посещение Сонечка рассказывала ему о том, как папа приходил домой пьяный и кричал на ее маму. Как она, Сонечка, убежала в другую комнату и пряталась под кроватью, чтоб отец ее не нашел.

– Ты же была совсем маленькой, – говорил ей Данилов, – неужели все помнишь?!

– Помню, – отвечала она, – и буду помнить всю жизнь. Папа был злой, и бил маму.

Девочка плакала, а он вытирал ее слезки и приговаривал, чтобы она успокоилась:

– Такого больше не будет, я обещаю...

Тогда Соня подняла на него глаза, полные слез.

– И ты не сделаешь нам ничего плохого, как папа?

– Нет, конечно же.

– Почему? Потому, что любишь нас?

Данилов не мог сказать «да», поэтому просто кивнул.

Несколько слов о фарфоре

Если подумать, то фарфор – материал не практичный, и достаточно дорогой. Если речь не идет о массовом производстве, а об одной единственной голове, паре ручек и ножек, то о нем лучше забыть. Возиться со все этой глиной, размельчением в порошок кварца и шпата, а также с помоллом пережженных костей, процесс затратный и долгий. Потом нужно все замешать, процедить, и залить в какую-то форму. Потом ждать, когда на стенках формы появится «черепок» достаточной толщины, ведь в процессе дальнейшей просушки он может уменьшиться. Далее, в процессе первого обжига, нужно в поте лица работать мехами целые сутки, и одновременно следить за тем, как бы тот полусырой черепок не треснул, или того хуже – деформировался по причине неравномерного испарения влаги. Потом, если заготовка осталась целой и хорошего качества, ее требовалась раскрасить, и повторно обжечь в печи при более высокой температуре. Здесь, опять же, необходимо поработать мехами, но более интенсивно. И температура повторного обжига должна быть намного выше. Конечно, для искусного мастера, такого как Питер, перечисленные этапы работы не могли вызвать особенных затруднений, но загвоздка заключалась в другом. Своего помощника у старика не было, а его руки и натруженная спина уже не могли выдержать серьезных на-

грузок по причине почтенного возраста. Лет десять – пятнадцать назад, о чем упоминал в разговоре гер Шмаус, он еще мог, а теперь – нет, извините. Можно попытаться нанять пару-тройку бездельников, чтобы крутили меха, но как их найти в развращенном безделием городе?

Так размышлял старый мастер, пока трудился над туловищем. И этот процесс был не менее трудоемким, потому как внутренняя начинка была сродни сверхточному механизму часов, со всеми его шестеренками, камнями, пружинами, и даже вилками.

Как поступить, – думал он, – ведь в данном случае, моя кукла не будет в качестве украшения мирно стоять на полке, где ее не достанут проклятые дети, а будет интенсивно ими использоваться. Дети жестоки. В своих играх они с легкостью переходят ту грань, которую взрослые называют насилием. Отломать руку, или уронить куклу на пол, чтоб посмотреть, а не отвалился ли у нее фарфоровый носик, дело привычное.

Закручивая очередной винтик, гер Страубе обомлел, а потом просиял. Ему в голову пришла ошеломительная идея. Что будет, если вместо фарфора сделать куклу из...

Из донесения AOS V.D.

Володя взбежал по лестнице и, очутившись рядом с знакомой дверью, замер, с трудом сдерживая дыхание. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди. И то вряд ли было отдышкой. Скорее – страхом от неизвестности. Там, за дверью, его могло ожидать все, что угодно. Но лучше бы, чтобы супруга была одна. В это время она обычно только готовилась идти на работу, и Данилов рассчитывал застать ее дома.

Ах, как бы хотелось, чтобы вчерашнее происшествие оказалось неправдой. Вот сейчас он снова otvorит дверь ключом, и Светлана встретит его на пороге, и улыбнется ласково, и обнимет. Как раньше, как тысячу раз до этого... Но вешалка в прихожей оказалась пуста.

Не снимая кроссовок, Данилов прошел в гостиную. В ней кавардак. Впрочем, как и везде. На кухне, во второй комнате, в туалете, – повсюду в беспорядке валялись осколки его прежней никчемной жизни. Оборванные шторы; горшки с цветами, разбитые в дребезги; перевернутые стулья; разбросанные книги; сорванные со стен и растоптанные фотографии; хрустящие под ногами осколки посуды. А еще ему на глаза попала желтая кофточка, которую он подарил Свете, когда они только встречались. Разоренное войною гнездо.

Перевернув стул, Данилов сел на него посреди комнаты, и закурил. А чего он мог ожидать? Торжественной встречи с цветами? Нет, в том мире, где он живет, чудес не бывает.

Неожиданно зазвонил телефон. Данилов кое-как отыскал его среди кучи разбитого хлама. Его грязно-белый пластмассовый корпус был еще цел, хотя сам звонок уже отдавал хрипотцою.

– Да, – сказал в трубку Данилов.

Тихо сказал, будто бы находился сейчас в чужой незнакомой квартире.

– Володя?! – раздался сквозь треск помех голос.

– Стас, – констатировал он.

– Куда ты пропал, черт побери!?

– Ближе к теме!

Данилову совсем не хотелось пересказывать Стасу все то, что произошло с ним за последние сутки.

– Дело Подольского я забираю себе... Ты понял меня?

Данилов лишь фыркнул.

– Неудивительно.

– И вообще, нам надо как-нибудь встретиться, и обсудить кое-что, касаемо фирмы. Думаю, нам надо расстаться.

– Я понял, – ответил Данилов, все так же негромко.

– Что? я не расслышал?

Опять помехи и треск.

– Хорошо!

Движением руки Данилов разбил пластмассового негодяя

об стенку. Затем вскочил, и заметался по комнате, круша и распиная по углам все, что еще осталось нетронутым.

– Мразь! Какая ты мразь! – закричал он в злобе, намереваясь покинуть квартиру.

И только тут узрел на входной двери приколотую ножом записку. На измятом тетрадном листе значилось страшное в своей простоте слово: «*Р А З В О Д!!!*».

*

Данилов гнал с дальним светом по разделительной полосе. Напролом, вдавив педаль до отказа. Встречные авто шарахались в рассыпную, и жались к обочине. Фонари по бокам тротуаров мелькали с бешеной скоростью. Он смотрел на дорогу остекленевшим взглядом, и не видел ее. Пальцы, до боли в костяшках, сжимали руль. Его ослепил яркими фарами встречный КамАЗ.

– Все, – подумал Данилов, и резко затормозил.

Авто занесло, и закрутило волчком на мокрой поверхности. Он сжался в комок, ожидая удара. Странно, но в предвкушении смерти, ни одна из картинок из прошлой жизни не промелькнула перед глазами. Возможно, ему будет больно, но потом – все закончится. И пустота.

Бах!!!

Мерседес влетел правым боком между передним и задним мостом КамАЗа, и несущийся на полной скорости гру-

зовик проехался по его средней части всеми своими колесами. Превращая элитную иномарку в стоптанный тапочек, большегруз лишь подпрыгнул на нем слегка, после чего стал прерывисто притормаживать.

– Эй, парень! – какой-то мужик тряс лежащего на асфальте Данилова, – Ты живой!?

С трудом приподняв голову, он огляделся. Толпа народа вокруг; дымящийся Мерседес, уткнувшийся мордой в сугроб; подоспевшая сию же секунду скорая. Все, как в тумане. Народ расступился, при виде средних лет санитара в белом халате. Тот ужасно походил на доброго, но уставшего от непомерной работы небесного ангела. От него даже пахло, как от покрытого пылью почтового голубя. К сожалению, крылышек у него за спиной, Данилов разглядеть не успел. Может они и были, но черт его знает...

– Как вы себя чувствуете? – спросил санитар.

Заглядывая неудавшемуся самоубийце в глаза, он двумя холодными как ледышки пальцами раскрыл его верхние и нижнее веки. Словно заглядывал Данилову в душу, намереваясь сию же секунду узнать, достоин ли мерзавец спасения?

– Хорошо, – прошептал пострадалец, – чувствую.

Нашатырка резко ударила в нос. Данилов отдернул голову. Все вокруг закружилось. Ангел в белом, тем временем, ошупал его руки и ноги.

– Легкое сотрясение, – констатировал он, – переломов не наблюдается. Поедем в больницу?

Данилов не знал, что ответить, поэтому замычал. Санитар устало вздохнул, и отстранился, дав время подумать. Он закурил сигарету, и встал, прислонившись спиной к машине.

Данилов готов был поклясться, что слышит телефонный звонок. В числе многих органов чувств, подвергшихся неожиданной амнезии, слух точно его не обманывал. Поднявшись кое-как на ноги, он дошел до машины, открыл переднюю дверцу, и полез в бардачок. Он совсем позабыл про Анин мобильник.

– Да, – прохрипел он.

– Володя! – из трубки раздался радостный девичий голос, – Сможешь подъехать?

Девушка назвала адрес на другом конце города. Точнее – пригорода, где располагался элитный поселок. Ну, конечно! А как же иначе!

– Когда?

– Прямо сейчас, если не трудно.

Конечно, он прямо сейчас к ней и помчится! На битой машине, с тяжелой как тыква головешкой...

– Да, я подъеду, – пообещал он.

За всей кутерьмой он совсем позабыл о том деле, которым она собиралась его озадачить.

На плечо Володи легла чья-то рука. Легкая, почти невесо-

мая, словно птичье крыло. Ангел!

– Молодой человек, вы не забыли?

Он обернулся. Санитар выжидательно смотрел на Данилова.

– Все хорошо, – Володя обшарил карманы, – Не беспокойтесь. Я тихонько доеду до дома, а там как-нибудь...

Найдя у себя мятую сотку, сунул ее в карман санитару. Тот неодобрительно хмыкнул, и осуждающе глядя на пострадавшего, произнес:

– Только учтите, что последствия ваших действий могут оказаться самыми непредсказуемыми.

– Знаю-знаю, с такими вещами не шутят.

Данилов неуверенно похлопал спасителя по плечу. Ангел в халате кивнул, и направился к ожидавшей его белой «буханке».

Данилов кое-как вытолкал Мерс из сугроба. Горела одна левая фара, а замятое внутрь крыло на ходу царапало колесо. Можно подумать, что весь кошмар с большегрузом только привиделся. На самом же деле ему повезло? Встречный КамАЗ отвернул в сторону?

Всю дорогу его не покидало ощущение дежавю.

Забывтый родственник, и почему нельзя ни о чем забывать

Встречный ветер швырял за шиворот колючие, как осколки слюды, снежинки. Пряча лицо от пронизывающих порывов, Питер брел сквозь чахло освещенные улицы, стараясь не поскользнуться на обледеневших булыжниках мостовой. В карманах шинели он заботливо прятал бутылку вина и четверть головки плесневелого сыра. Через пару кварталов, он вышел на ничем не отличающуюся от других, улицу и, найдя нужный дом, в длинной чередке прилепившихся друг к другу приземистых зданий, толкнул плечом почерневшую от времени дубовую дверь.

– Хозяин!?! – хрипло выкрикнул Питер.

В темноте холодного помещения слышались завывания ветра. Словно в покойнице, – подумал старик, и был недалек от истины.

– Пауль! Пауль Страубе?! – повторил он.

В дальнем конце что-то звякнуло, и открылась невидимая ранее дверь. В неярко освещенном проеме, сутулясь, стоял высокий и тощий старик, с лампой в руке.

– Кто там?! – спросил хозяин.

– Я, Питер!

Тощий зашаркал плохо сгибающимися ногами по каменным плитам в сторону гостя.

– А, это ты! – воскликнул он, подняв лампу выше.

Раскрасневшееся от ветра лицо Питера выдавало слегка извиняющуюся улыбку.

– Ну, заходи, коль пришел, – Пауль незлобно ответил.

В свете чадающего огонька Питер мельком отметил во внешности брата оставленные беспощадным временем изменения. Седые редкие волосы на лысеющем черепе; провалившиеся глазницы; впалые щеки.

– Проходи-проходи, только не ударься обо что-нибудь, у меня тут заставлено, – хмыкнул тот, – И осторожно, ступеньки. Сам-то я привык к темноте...

– Знаю, – закивал Питер, снимая потертый цилиндр.

Пройдя сквозь холодную залу, родственники зашли в освещенный проем, и дверь за ними захлопнулась. Плышался звук задвигаемого засова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.